

Андрей МАКСИМОВ

МАСКАРАД МАРКИЗА ДЕ САДА

Театральная фантазия в 2 -х действиях

ДЕЙСТВУЮТ:

ДОНАСЬЕН - АЛЬФОНС-ФРАНСУА ДЕ САД (МАРКИЗ ДЕ САД) -
знаменитый писатель и философ

МАРЕ - *инспектор полиции*

ЛАТУР (ЛАКОСТА) - *слуга Маркиза де Сада*

ОГЮСТЭН (СИМОН) - *охранник*

ЖЮСТИНА - *революционерка*

Данные события не произошли в двадцатых числа июня 1794 года в Сен-Лозаре, Франция

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

1

В гостиной - настолько шикарной, насколько позволяют фантазия художника и средства современного театра - сидел человек. Его простая одежда явно контрастировала с окружающим великолепием. Человек занимался странным делом: он вскрывал конверты, которые стопкой лежали перед ним, бегло проглядывал содержимое письма, потом швырял бумагу на пол... Периодически он вскрикивал: «Скотина! Дерьмо! Во что меня превратил, мерзавец!», а также иные ругательства, в зависимости от воспитания и опыта жизни режиссера и исполнителя роли.

Звали человека Донасьен-Альфонс-Франсуа де Сад. Впрочем, всему миру он известен под именем маркиза де Сада.

Дверь гостиной открылась и вошел НЕКТО.

Де САД (не отрываясь от своего занятия). Ты кто?

ВОШЕДШИЙ. Ваш охранник, если позволите.

Де САД. А если не позволю?

ВОШЕДШИЙ. Воля ваша... Только лучшего охранника во всей Франции не сыщите... Я и при Людовике, царствие ему небесное, охранником был, и Дантон, царствие ему небесное, меня на службу брал, а как Дантона, по приказу Робеспьера, казнили, меня Робеспьер, царствие ему небесное, на службу призвал.

Де САД. Что ж ты Робеспьера-то хоронишь? Он ведь у власти как раз сейчас.

ВОШЕДШИЙ. Так я о том и говорю. Власть во Франции - штука ненадежная, последствия ее предсказываются легко: не казнили сегодня, завтра-то уж точно казнят. Революция - одно слово. А охранники всегда нужны будут. Я, если позволите, сколько уж сторожил, и не было такого, чтобы на меня кто пожаловался. Потому что я сторожу тактично. Мой отец - он у меня, конечно, тоже охранником был - учил меня: « Охраняй, сын, всегда тактично, тогда тебя уважать будут...»

Де САД. Получается, ты при всех режимах охраняешь - а я при всех режимах за решеткой сижу... И при Людовике, и при Робеспьере... А когда Робеспьера скинут - меня наверняка новый король арестует.

ВОШЕДШИЙ. Видите, как все хорошо устроилось? Нас сама судьба свела. Вы сидеть будете, а я, если позволите, вас охранять. Всякие революции будут твориться, королей снова начнут гильотинировать, Бастилию брать туда-сюда, а в нашей с вами жизни постоянство будет: вы сидите все время, а я все время вас охраняю. Здорово! Мне отец - он был не кто-нибудь, а охранник, как никак - говорил: «Чем, сын, природа сильна? Приро-

да сильна постоянством. Никогда так не бывает, чтобы после зимы вдруг лето пришло. И наоборот не бывает. Вот и человек должен к постоянству стремиться».

Де САД. Мудрый у вас был отец.

ВОШЕДШИЙ. Я ж говорю: охранник... Вот тут еще письма к вам. (*Кладет на стол новую пачку*). Ох и любит же вас наш народ, господин маркиз, честно вам скажу: чрезвычайно вас любит. Вот ни за что не поверю, что кто-то может вам гнусные письма писать. Это ж каким, простите, дерьмом надо быть, что бы маркизу де Саду досаждал неприятными писульками.

Де САД. А где Латур? Я привык, что письма приносит мой слуга.

Входит ЛАТУР в широком плаще и капюшоне, надвинутом на лицо.

ЛАТУР. Я здесь, мой господин. Этот человек так стремился поскорее вас увидеть, что я решил: пусть уж передаст письма он. Прошу простить меня за невольное прегрешение.

ВОШЕДШИЙ. Не ругайте этого парня, если можно. Посудите сами: возможно ли находясь в одном доме с самим маркизом де Садам, утерпеть и не увидеть его?

Де САД. Это вы называете домом?.. Впрочем, для охранника действительно: дом -тюрьма.

ВОШЕДШИЙ. Смеею заметить: для заключенного - также.

Де САД. Так, значит, вы здесь будете служить вместо Виктора?

ВОШЕДШИЙ. Не знаю, как звали вашего предыдущего охранника, но знаю точно: вы очень хотели, чтобы он поскорее отвалил.

ЛАТУР. В последнее время мы просто не знали, как от него отделаться.

ВОШЕДШИЙ. Сказать по чести - я очень стремился сюда. Пришлось даже подмазать кой-кому...

ДЕ САД. Ты слышишь, Латур, этот мерзавец инспектор еще и взятки берет.

ВОШЕДШИЙ. Да я, если позволите, не в обиде. Ведь главное - осуществилась моя мечта: я вижу самого маркиза де Сада! Извините, конечно, господин де Сад, из меня оратор, как из свиньи - охранник, но я должен вам сказать: то, что вы сделали для французского народа, для всей Франции - это просто... это, если коротко... это...вообщем...очень много... Я вам так скажу: Робеспьер, Сен-Жюст, я уж не говорю о каком-нибудь Тальене или

Вадые - просто, извините, недопески рядом с вами. Был, правда, один человек, которого я уважал почти, как вас.

Де САД. Это кому ж посчастливилось?

ВОШЕДШИЙ. Это Марат, если позволите. Но после того, как его резали в ванне - моего уважения к нему сильно поубавилось. Нет, я еще понимаю: погибнуть на гильотине или, в крайнем случае, на дуэли, но быть резанным в ванне, да еще женщиной... Вы, маркиз, никогда бы себе такого не позволили. Я - человек тихий, в революциях участвовать не люблю, но если бы вы оказали мне честь и позвали свергать кого-нибудь - да хоть кого! - я бы двинул, не задумываясь. Не зря ведь мой отец говорил: «Мой сын, мы - люди простые, нам думать трудно да и не наше это дело. Потому как главная наша задача: найти тех, кто будет думать за нас». Я вам так скажу, господин маркиз, ежели вам нужны мое сердце или, положим, душа - возьмите их.

Де САД. Какие еще части тела вы могли бы предложить для использования?

ВОШЕДШИЙ. Я не совсем понимаю...

Де САД (*Латуру, не обращая внимания на реплику Вошедшего*). От инспектора Маре нет ли каких-нибудь известий?

Латур отрицательно качает головой

ВОШЕДШИЙ. Как?! Этот гнусный инспектеришка еще жив? Этот человек, преследующий вас - гения! - всю жизнь еще не погиб на гильотине? Куда только смотрит наш революционный народ? Этот инспектор столько лет мешает вам, а нам будто бы и дела нет? Удивительное равнодушие... Уж если бы я его встретил - прибил бы с двух ударов, будьте уверены...

Де САД. Значит, ждет, пока я его сам найду. Так, Латур? (*Латуру*). Собери-ка все эти бумаги и выкинь.

Латур, собирая порванные письма, приближается к де Саду. Маркиз неожиданно хватая слугу, страстно целует. Вошедший с некоторым ужасом, хотя и не без любопытства, смотрит на происходящее.

(ударив Латуру пониже спины). Пошевеливайся, давай! (*Вошедшему*). Прислушал, небось, про оргии, которые устраивает маркиз де Сад, и, небось, сам не прочь в них поучаствовать?

ВОШЕДШИЙ. Если, конечно, вам будет угодно меня пригласить, то было бы интересно с этой ...как ее?... ну с этой... познавательной точки зрения. Кстати, меня зовут Огюстэн.

Собрав письма и их обрывки Латур уходит.

Де САД. С чего это вы решили, что это «кстати»?

ОГЮСТЭН. И вы еще меня об этом спрашиваете? Как же вы не понимаете? *(Поднимает глаза к потолку, начинает цитировать с весьма мечтательным выражением).* «Ну-ка помогите, Огюстэну... заметьте, именно Огюстэну... спустить штаны, чтобы оголились его прекрасные ляжки...»

Де САД. Но это моя «Философия в будуаре»... Она же не опубликована, откуда вы...

ОГЮСТЭН *(находясь почти в состоянии транса).* А вот это, вот это помните... «Грудь и лицо вашей подружки будут залиты доказательствами мужественности вашего брата, надо, чтобы...»

Де САД *(кричит).* Молчать! Молчать, говорю я вам! Мне ли не знать, что написал я сам. Но объясните: каким образом вы могли прочесть неопубликованную книгу?

ОГЮСТЭН. Извините, маркиз, но ваша «Философия в будуаре», если позволите - почти Библия для меня, прости Господи. Да если хотите знать, вашу книгу давно уже читают настоящие люди Франции -те, кому осточертели бредни Робеспьеров и Сан-Жюстов. Короли во Франции меняются, а жизнь становится все хреновей! Станем ли мы дожидаться, пока ленивые издатели удосужатся выпустить столь необходимую всем книжку? Ее переписывают, передают из рук в руки.

Де САД. Ну и чего говорят?

ОГЮСТЭН. Они не говорят - они молятся. За вас. Да я и сам ноги готов целовать вам за то, что вы привели в будуар слугу... Он уж там показал всем этим графьям и графиням! Он ведь там главный был, а они все вообще могли заткнуться. Эти-то, революционеры, дери их в задницу, все орут: равенство, равенство!.. А оно вон где равенство: в койке... Простите, в будуаре. И равенство, и свобода, и братство...

Де САД. Так, значит, ты все-таки рвался сюда, чтобы участвовать в знаменитых на всю Францию оргиях маркиза де Сада?

ОГЮСТЭН. Вот сразу видно, что вы - писатель. Насквозь человека прощупываете.

Де САД *(вскакивает из кресла, говорит нервно, может быть, даже нарочито нервно).* Вся Франция - вся, ты слышишь? - жирондисты, якобинцы, мужчины, старики, даже дети - все! - мечтают попасть в будуар маркиза де Сада. Да что там «попасть в будуар»? Вам бы всем хоть в щелочку замочную поглядеть, чем я тут занимаюсь. Такие как ты - сажают меня в тюрьму, кричат на всех углах, что я - позор общественного бытия, пишут на меня доносы, но восхищаются мной. Восхищаются! Потому что всякий понимает: я знаю про него такое, чего он сам про себя не знает, я могу сказать ему такое, его он сам про себя не скажет никогда и ни за что! И никто ему не скажет. Все эти Шекспир, Мольер, Эсхил и другие господа, имена которых ничего не говорят неучам, вроде тебя, все они - видишь ли! - поднимали че-

ловека, стремились приблизить его к Богу, что и невозможно и постыдно! И только я рассказал про человека правду. И вот я интересен всем, мои книги переписывают, а кто, скажи, сегодня станет перечитывать Эхила?

ОГЮСТЭН (*отступая под напором речи де Сада*). Может, вы на меня подумали? Так я ни за что на свете! Я только вас читаю, только вас...

Де САД (*наступая на Огюстэна*). Читаешь меня? В постель мою хочешь лечь? (*Неожиданно отбегаем*). Встать! Смирно! Теперь - кланяйся! Ну! Ниже, ниже!

Огюстэн выполняет приказ де Сада по-военному четко и даже радостно.

Вот так! И не смей разгибаться! Не разгибаться, я сказал!.. Так и стой... Так ты хочешь, чтобы этого согбенного недоучку я пустил в свою спальню? Не разгибаться, я сказал! Коленки дрожат? Дрожат, я вижу... Запомни: человек с дрожащими коленками не может войти ко мне в будуар. Ладно, разогнись. Подними глаза, чтобы лучше разглядеть ту бездну, которая нас с тобой разделяет... Тебе придется очень стараться, чтобы хоть немножко уменьшить ее...

ОГЮСТЭН. Хорошо, я буду стараться. Буду. Да я для вас все сделаю. Такая честь! Да я сыну своему рассказывать стану, что кланялся маркизу де Саду.

Де САД. У тебя есть сын?

ОГЮСТЭН. Нет. Но ведь будет когда-нибудь... А сейчас у меня никого нет, только вы. Вы для меня... (*Бросается к Саду и целует ему руку столь стремительно, что маркиз не успевает ее убрать*).

Де САД. Хватит. Я и так потратил на тебя слишком много времени. Теперь иди и думай о чем я тебе тут сказал.

ОГЮСТЭН (*кланяясь*). Но если вам вдруг... Если только что-то понадобится, даже если какая ерунда, мелочь... Только шепните, и я - мигом, только шепните.

Де САД. Я сказал достаточно громко: вон отсюда!

ОГЮСТЭН (*продолжая кланяться*). Благодарю, благодарю... (*Уходит*).

Едва одна дверь гостиной закрывается за Огюстэном - в другую дверь входит ЛАТУР.

ЛАТУР. Это было великолепно, мой господин, в вас умер великий артист. Правда, если так пойдет - боюсь, этот парень протянет у нас еще меньше предыдущего.

Де САД. Так избавимся от него - велика важность! Вся Франция мечтала бы оказаться на месте этого недоучки... А что я, действительно, неплохо сыграл с ним свою роль? Признаться, я так привык играть, что часто уже сам не понимаю, когда вру, а когда - говорю искренно.

ЛАТУР. Маркиз де Сад врет всегда. И маркиз де Сад всегда говорит искренно.

Де САД. Когда ты говоришь так, я понимаю: больше всего на свете мне хочется схватить тебя и увезти в такое место, где мне никому не придется доказывать, что я - маркиз де Сад.

ЛАТУР. Ну так что, надо ли мне искать инспектора Маре (с усмешкой) вашего злейшего врага. Вы же знаете, мой господин, лишь я могу отыскать его всегда и везде.

Де САД. Сначала поцелуй меня.

Латур подходит к де Саду, следует продолжительный поцелуй.

И ты еще спрашиваешь, искать ли тебе Маре - этого пройдоху и бандита? Ты только смотри, что он творит! (*Хватает письмо, вскрывает, читает*). «Дорогой маркиз! Когда на моих глазах вы били плеткой-семихвосткой мою жену, я испытывал такие ощущения, каких не испытывал никогда в жизни... Вы - волшебник, маг, неземной человек, потому что только небожитель может дарить такие ощущения другим... Кстати, жена моя вам кланяется и просит передать, что с нетерпением ждет в гости. Раны ее, как вы и говорили, быстро зарубцевались, однако, память о той ночи не истлеет в наших душах никогда». Не истлеет... Идиоты! Я уже давно понял, что люди - кретины, но никак не могу понять, почему они гордятся этим и даже испытывают от этого удовольствие? (*Отбрасывает письмо*).

ЛАТУР. И что вас так раздражает, не понимаю? Вы ж об этом книги пишете.

Де САД. Да не об этом я пишу, не об этом! Мы с тобой столько раз говорили, а ты все никак не хочешь запомнить... (*Говорит несколько назидательно - словно учитель ученику*). Сотни лет человечество воспитывалось на положительных примерах, единственное на что хватало смелости этим, так называемым, писателям и философам, - так это на то, чтобы воспеть глупость, как Эразм Роттердамский. Но кто сказал, что глупость - главный человеческий порок? Я решил воспитывать людей на отрицательных примерах, я решил воспеть порок. Но воспеть, отстраненно, шутя. И что? Разве кто-то понял мою великую шутку? Увы, нет. Я-то надеялся, что Бог, создавая человека по своему образу и подобию, не забудет хоть маленькую частичку Себя вложить в их души. А Он забыл...

ЛАТУР. Отлично сказано и сыграно, мой господин. Я могу идти искать инспектора Маре?

Де САД. Почему тебя совершенно не волнует то, что волнует меня?

ЛАТУР. То, о чем вы говорите, волнует вас не первый год. Я не могу так долго волноваться по одному и тому же поводу.

Де САД. Хорошо, поговорим о том, что меня стало особенно волновать в последнее время. Научи меня, что мне делать с инспектором Маре?

ЛАТУР. Разве он нарушает договор?

Де САД. Ты это называешь «нарушает»? Да он нагло плюет на него! Он просто издевается надо мной, над моим именем. *(Вскрывает письмо, читает)*. Вот - смотри. «Вы мне открыли новые фантастические ощущения...» *(Отрываясь от текста)*. До чего же люди противно одинаковы! Неужели Богу для разнообразия жизни достаточно на всю Францию одного такого человека, как я? *(Читает другое письмо)*. «Вы мне открыли новые фантастические ощущения....» Не могу больше! «Вы мне открыли новые, совершенно фантастические ощущения. В ваших книгах. Но то, что я узнала, познакомившись с вами, воистину ужасно... Я шла к вам за любовью... *(Отрываясь от письма)*. Дура! Идти к маркизу де Саду за любовью - это все равно, что идти к любовнице за пониманием... *(Читает дальше)*. «... шла за тем Божественным чувством, которое и отличает человека Божьего от твари, а попала в бордель. Да что там! Это было хуже борделя! Никакие муки адовы не сравнятся с тем, что я пережила в вашем доме всего за одну ночь. И теперь я проклиная вас! Каждое утро я начинаю с того, что шлю вам проклятья! Знайте же, любому, кого я встречу -и лучшей своей подруге и случайному прохожему - отныне стану я говорить: «Бойтесь маркиза де Сада! Не верьте этому гнусному похотливому обманщику!» *(Отбрасывает письмо)*. Что мне делать со всем этим, Латур, подскажи.

ЛАТУР. Вы хотите услышать правду или то, что вам хочется услышать?

Де САД. Сначала то, что мне хочется услышать.

ЛАТУР. Тогда могу посоветовать только одно: убейте инспектора Маре.

Де САД. Ты вправду считаешь, что иного выхода нет?

ЛАТУР. Во Франции бушует революция, а революционное время - самое удобное для убийств. Революция списывает любую смерть, а убийцу превращает в героя. Вы прекрасно понимаете, мой господи, что покуда Маре жив, вы будете получать подобные письма.

Де САД. Я, действительно, хотел услышать от тебя эти слова, потому что они и есть - истина. Какую же еще правду имеешь ты в виду?

ЛАТУР. Ту, что вы знаете не хуже меня. Правда состоит в том, что все останется по-прежнему.

Де САД. Нет, нет! Теперь уж - нет! Я не позволю больше порочить свое имя!

ЛАТУР. Как вы гениально доказываете в ваших книгах, мой господин, порок - понятие относительное, и то, что одним представляется порочным, другие почитают за добродетель.

Де САД. Молчать! Я не собираюсь устраивать с тобой диспут о добродетели и пороке... Запомни: моя жизнь будет идти так, как я считаю нужным, и в ней будет только тот порок, который я считаю допустимым, и только та добродетель, которую я считаю таковой.

ЛАТУР. Сказано красиво. Я могу идти за инспектором?

Входит ОГЮСТЭН

И чем раньше он будет здесь, тем...

ОГЮСТЭН (*перебивает*). Господин маркиз, к вам пришли.

Де САД. Кто посмел перебить моего слугу?

ОГЮСТЭН. Простите, я еще не до конца усвоил порядки вашего дома. Я не знал, что слуг...

Де САД (*перебивает*). Молчать! И никогда не входи сюда, если тебя не звали! И, прежде, чем войти, непременно стучать. Понял? Повтори.

ОГЮСТЭН. Никогда никуда не входить, если меня не зовут. И стучать все время... Однако, к вам пришли.

Де САД. Что ж ты молчишь, идиот?! Это он! Он! Сам пришел! Отлично, сейчас мы проверим, инспектор, кто чьей жизни хозяин.

ОГЮСТЭН. Извините, уж и не знаю кого вы имеете в виду, но к вам пришла женщина.

Де САД. Женщина? Не пускать!

ОГЮСТЭН. Ее нельзя не пускать: она революционерка.

ЛАТУР. Откуда ты знаешь?

ОГЮСТЭН. Это сразу видно. Мой отец говорил: «Если женщина, входя в дом, не поправляет прическу - она или проститутка или революционерка, что, в сущности, одно и то же».

Де САД. Как же ты мне надоел со своим отцом! Неужели этот кладезь мудрости никогда не иссякнет?.. Пойди к этой дуре, кто бы она ни была, и скажи: «Маркиз работает. Пишет. Когда его покинет вдохновение - он пригласит вас в свою камеру». Минут через двадцать пригласишь, понял?

ОГЮСТЭН. А чего не понять? Кончите писать - позовете бабу. Все ясно. (*Уходит*).

Де САД. Станный он какой, не находишь? Вроде, дурак- дураком, а приглядишься - вроде, и не дурак.

ЛАТУР. В народе они все такие. Вы просто с народом давно не виделись. Синяки, раны рисовать будем? Усталость на лице?

Де САД. Если только немножко.

Латур начинает гримировать де Сада

Так вот. Если хочешь знать, я уничтожу этого Маре только за тем, чтобы доказать тебе: Донасьен-Альфонс-Франсуа де Сад еще кое на что способен. (*Пытается поцеловать Латура*).

ЛАТУР. Мой господин, вы мне мешаете.

Де САД. Как ты думаешь, зачем пришла эта баба?

ЛАТУР. Если позволите, я буду думать о чем-нибудь другом. От ваших посетителей я не жду ничего хорошо, и, тем более, интересного. (*Закончив гримировать*). Все. Теперь можете встречаться хоть с самим Робеспьером: у вас такой вид, будто вы целыми днями только и делаете, что размышляете о судьбах революции.

Де САД. Очень хорошо, это как раз то, что нужно для встречи с народом. Все, Латур, я иду в камеру, а ты иди за инспектором. Надеюсь, ты знаешь, где его найти?

ЛАТУР. Кому ж это знать, как не мне? (*Уходит*).

Де САД. А почему, собственно, Латур всегда знает, где находится инспектор Маре - мой злейший враг? Не понятно.

Затемнение.

2

То ли с помощью круга, то ли с помощью каких-то иных театральных приспособлений гостиная превращается в тюремную камеру: небольшое окно с решеткой, грубый стол, две скамьи, на столе - чернильница и перо. Де САД подходит к столу, садится.

Де САД. Боюсь, сейчас придется говорить о судьбах революции. А какая у революции судьба? Сначала кричат, потом стреляют, потом плачут, а потом долго не могут понять: кто ж испортил такую хорошую жизнь, которая, вроде бы была еще совсем недавно. *(Ходит по камере, снова садится)*. Что там Огюстэн заснул? Я уже готов встречаться с кем угодно, лишь бы это скорее кончилось.

Стук в дверь тюремной камеры, входит ОГЮСТЭН.

ОГЮСТЭН. Я, если позволите, по поводу вдохновения... Как там у вас? Эту-то можно впускать?

Де САД. Впускай. Нет, подожди... Она, что, совсем сумасшедшая?

ОГЮСТЭН. Да вы не волнуйтесь, она, с вашего позволения, обыкновенная революционерка. Говорит только про Робеспьера, Сен-Жюста и про вас.

Де САД. Угораздило же меня попасть в компанию! Впускай!

ОГЮСТЭН уходит, и довольно быстро возвращается вместе с молодой женщиной - ЖЮСТИНОЙ.

ОГЮСТЭН. Вот. Зовут Жюстина. Все. Я пошел. *(Уходит)*.

Де САД. У вас хорошее имя...

ЖЮСТИНА. Так зовут героиню вашего романа, я знаю... От имени революционного народа Франции приветствую писателя и философа, томящегося в заточении. *(Вглядываясь в лицо де Сада)*. Господин маркиз, у вас такое усталое лицо

Де САД. Все дни я провожу в раздумьях о судьбе французской революции, а это - нелегкое занятие.

ЖЮСТИНА. Я так хорошо вас понимаю. Ведь революция требует всего человека. Целиком.

Де САД. Целиком человека требует только любовь... Впрочем, не будем отвлекаться.... Чемс обязан вашему визиту?

ЖЮСТИНА. Во-первых, от имени революционного французского народа...

Де САД *(перебивает)*. Так. А во-вторых?

ЖЮСТИНА. Ой, вы только не перебивайте меня, пожалуйста, а то я собьюсь обязательно: все-таки первый раз в жизни с великим человеком разговариваю. *(Доверительно)*. Я в революции-то, если честно, недавно совсем. Увлелась тут одним - думала: любовь, оказалось: революция. Но я не жалею. Идеи там и вообще... Чем в городишке-то нашем торчать.

Де САД. Дальше. И, если можно, ближе к сути.

ЖЮСТИНА. Конечно, конечно... Так. И, во-вторых... Сейчас... я приветствую вас от имени «Комитета голубых лилий».

Де САД. Голубых... чего?

ЖЮСТИНА. Да лилий же, цветы такие... Я сама-то точно не знаю, почему наш Комитет так называется. Но название красивое, правда? «Комитет голубых лилий».

Де САД. Дальше.

ЖЮСТИНА. Ну и вот. Наш Комитет занимается тем, что защищает людей, которые нужны будущему счастливой Франции... То есть, нет - счастливому будущему Франции. Вот так.

Де САД. А настоящему?

ЖЮСТИНА (*после довольно продолжительной паузы*). Вы мне прямо такие вопросы задаете... вы мне их больше не задавайте, ладно? Мне Андрэ - это председатель наш, очень принципиальный - он мне рассказал, в какой последовательности я все должна говорить, и мне главное не сбиться. Значит, так. Наш «Комитет голубых лилий» занимается защитой людей, которые нужны будущему Франции.

Де САД. А настоящему?

ЖЮСТИНА (*начинает плакать*). Ну не надо, я умоляю вас. Если я забуду что-нибудь сказать, меня из Комитета выгонят. Мне Андрэ прямо так и сказал: «Пока не убьешь - не возвращайся».

Де САД. Вы пришли убить меня?

ЖЮСТИНА. Да вы что! Да как вы можете! Вас? Да никогда! Кто ж мне такой приказ даст? Что вы... Конечно, конечно, это я сама, дура, не могу ничего объяснить, как следует... Сначала. Наш Комитет занимается тем, что защищает людей, которые нужны будущему Франции. (*Выжидательно смотрит на маркиза*). И настоящему. Это понятно?

Де САД. Не понятно только, кого вы решили убивать.

ЖЮСТИНА. Как кого? Инспектора Маре, разумеется. Ведь это он - ваш главный враг, он преследует вас время уже много лет, в тюрьмы сажает. Вон в каких условиях должен жить великий человек из-за кого-то там инспектора!

Де САД (*встает, ходит по камере*). Вы это серьезно? Значит, вы готовы убить инспектора. Может быть, сам Бог вас ко мне посылает... Или дьявол. Так вы что, сможете убить человека?

ЖЮСТЬИНА. Не сомневайтесь, у меня и оружие есть. (*Показывает пистолет*). Это я в разговоре неумелая, а ежели до дела дойдет... В городке нашем случай был не так давно. Я приезжала там, ну, навестить... Ну и вот. Ко мне парень пристал один. Ну а как я могу, когда я тогда этого любила, который в революцию позвал?.. А этот еще, ну, который в городке, меня на сеновал заманил обманом, и начал приставать, причем - грязно. Так я его - вилами.

Де САД. Что значит - вилами? Пугала, что ли?

ЖЮСТИНА. Чего его пугать-то, он - пуганный. Сами знаете, в какое время живем. Убила его, взяла вилы и...

Де САД. Точно, дьявол прислал.

ЖЮСТИНА. А я потом сказала, что он жирондистов прославлял, а Робеспьера обзывал революционным диктатором. Мне еще благодарность объявили и курицу дали в награду. Вкусная была... Так что вы мне только устройте встречу с этим Маре, он и опомниться не успеет...

Де САД. Слушай, голубая революционерка, ты мне можешь внятно объяснить: цель твоего прихода какая? Как я могу устроить тебе встречу с моим злейшим врагом - человеком, из-за которого я таскаюсь по тюрьмам всю жизнь?!

ЖЮСТИНА (*снова начинает плакать*). Ничего не могу объяснить, ну ничего... Говорила я Андрэ: «Лучше я прибью кого, чем разговоры разговаривать». А он - ни в какую. «Иди, - говорит, - к маркизу. Ты ему понравишься». Я вам нравлюсь?

Де САД. Очень. Дальше.

ЖЮСТЬИНА. И вы мне прямо очень понравились. Очень. Я думала: вы строгий такой, потому что - гений, а вы - добрый. Я даже вам один вопрос задам. Личный. Шла сюда, думала: задавать или нет, а теперь точно знаю: задам.

Де САД. Послушай, Жюстина, у меня очень мало времени. Я работаю постоянно, пишу. (*Хватает чернильницу, видит, что она пуста*). Чернил, видишь ли, совсем не осталось, исписал все. Объясни ты мне внятно, наконец, что тебе от меня надо?

ЖЮСТИНА. Так. Сначала. Четко. Дело в том, что я инспектора этого никогда не видела. И мне очень нужно, чтобы вы мне его показали. Только показали, и тогда уж, будьте уверены, никто не станет досаждать великому писателю Франции. И мы сохраним вас для будущего. И для настоящего.

Де САД. Понятно. Дело в том, что я не знаю, где именно находится сейчас инспектор Маре. Но я предполагаю, что уже завтра я с удовольствием покажу его тебе. Признаюсь, он попортил мне немало крови.

ЖЮСТИНА. Несколько ведер, уж будьте уверены: бегают за вами словно кот за кошкой, вы уж извините меня, пожалуйста. Великий француз вон в каких условиях вынужден жить! У вас даже чернил нету...

де САД. Я не знаю еще, как сложится ситуация, но скажи мне: если придется стрелять, ты не промахнешься?

ЖЮСТИНА. Кто? Я ? *(Достаёт пистолет)*. Муху на стене видите? *(Стреляет)*. Вот и нет мухи.

Вбегают ОГЮСТЭН наперерез.

ОГЮСТЭН. Все лицом к стене! Вас, господин маркиз, это, разумеется, не касается...

Де САД. Спокойно, Огюстэн, у нас тут возникла обыкновенная революционная перестрелка.

ОГЮСТЭН. Вона как, тогда ладно. *(Выходит, тут же - стучит в дверь и снова заходит.)* Вы извините, господин маркиз, я прошлый раз без стука вошел. Так я спросить хотел: если я еще стрельбу услышу, мне стучать надо или нет?

Де САД. Вон отсюда!

Огюстэн уходит.

Ну все, Жюстина, до завтра. Надеюсь, уже завтра я смогу сказать тебе: следует ли приводить приговор Комитета голубых линий в исполнение немедленно или пока отсрочить.

ЖЮСТИНА. С этим, похоже, разобрались. Теперь мой личный вопрос, даже, можно сказать - интимный.

Де САД. Я очень занят. Очень.

ЖЮСТИНА. Господин маркиз, я вас умоляю. Понимаете, я ведь живу в окружении людей совсем невоспитанных, а иногда - даже неграмотных. С ними про интимное не посоветуешься, на сеновал - вот и весь сказ. А вилы еще и не всегда найдешь.

Де САД. Что у тебя, только быстро?

ЖЮСТИНА. И минуты не пройдет, как вы вернетесь к своим серьезным революционным размышлениям. Так вот. Дело в том, что тот человек... ну, который меня в революцию позвал... он красивый такой, на быка похож - плечи огромный, глаза черные...

Де САД. С рогами?

ЖЮСТИНА. Вы все шутите... Сразу видно, что девушку можете понять... Ну вот. Ушла я с ним, и в ту же ночь все случилось. Понимаете? Мне так хорошо с ним было... Мы вот тут недавно книжку вашу читали.

Де САД. Где читали?

ЖЮСТИНА. Да на Комитете. Мы всегда так. У нас всегда два пункта повестки дня: сначала про проблемы революции говорим, ну, там про то, кого из людей надо оставить для будущего Франции, а кого - не стоит, а затем - это уж непременно - книжки ваши читаем. Андрэ говорит, это необходимо, чтобы от природы не отделяться... Он вообще умный очень, наш Андрэ. Ну и вот. Как вы в книжках пишете - так со мной и было. Улетала ну прямо к небесам. Оно, конечно - революционная борьба. Только тут как все происходит? Либо ночью воюем - тогда днем спим. Либо днем воюем - тогда ночью улетаем. Ну и вот. Летала я, значит, летала, ну и долеталась.

Де САД. Забеременела, что ли?

ЖЮСТИНА. Ну вы смешной какой! Революция ж, разве я не понимаю? Не в том проблема. Все у нас хорошо было, только он мне говорит вдруг: «Плохо мне с тобой, Жюстина в будуаре...» Не, мы, главное, на сеновале лежим, а он мне говорит: «Плохо мне с тобой, Жюстина, в будуаре». Это потому что он шути так: любую кровать будуаром называет. Вот так вот. «Нет, - говорит, - такого закона, чтобы мужик с бабой спал, ежели ему с бабой плохо...»

Де САД. Это верно.

ЖЮСТИНА. Вот и вы на той же позиции стоите. Я его и спрашиваю: «Чего ж делать-то? Может, во мне дефект какой, так ты укажи - исправим».

Де САД. Ну а он - что?

ЖЮСТИНА. Не ответил даже. Ушел вот так без ответа, - и все. С кем-то другим, наверное, спит теперь и воюет.

Де САД. И чего ты от меня в связи со всем этим хочешь?

ЖЮСТИНА. Как, то есть, чего? Вы же - специалист в этом деле. (*Начинает раздеваться*). Вы гляньте: может, во мне, на самом деле, что не так.

Де САД. Да ты что?! Прекрати немедленно. Я ж не врач, черт тебя возьми! Тебе к врачу надо.

ЖЮСТИНА (*продолжая спокойно раздеваться*). К врачу... Ну пошла я к врачу. И чего? Щупал меня, щупал... Хорошо кислота у меня с собой была, я там...ну, не важно... вообще ржавчину оттирала, я ему в лицо брызнула - он сразу скахзал, что у меня все хорошо. Только я ему не верю... Смотрите вы: что у меня не так? Честно только скажите про все дефекты.

Де САД. Оденься немедленно! У тебя все в порядке. Просто так бывает: несовпадение между мужчиной и женщиной.

ЖЮСТИНА. Вот я и говорю, чего это у меня с ним не совпадает. Он-то здоровый... Да вы смотрите внимательней, я ж вам верю, как революционному писателю и этому...философу... Вы мне должны всю правду сказать, а то вдруг мне кто еще в жизни встретиться, а у меня - дефект.

Раздается стук в дверь. Входит ОГЮСТЭН и замирает на пороге.

ОГЮСТЭН. Простите, но я стучал... Дело в том... (*Поглядывая на Жюстину, подходит к маркизу, говорит на ухо*). Ваш слуга сказал: если дама революционная задержится слишком долго, я должен вас как бы увести на прогулку. Так вот я, если позволите, хотел спросить: уводить вас или нет.

Де САД (*тоже шепотом*). Уводи, и как можно быстрее.

ОГЮСТЭН (*кричит*). Маркиз де Сад, наступило время прогулок! Вам необходимо выйти на свежий воздух!

ЖЮСТИНА (*бросается к де Саду*). Я понимаю: вас волнуют судьбы революционной Франции, но неужели вас оставит равнодушным судьба простой девушки? (*Обнимает его*). Мне кажется, вы все-таки плохо меня рассмотрели.

Входит ЛАТУР.

ЛАТУР. Извините, если не вовремя.

Де САД (*Латуру*). Это чисто медицинский осмотр.

ЖЮСТИНА. Вы меня извините, конечно, только что ж я могу поделаться, если во всей революционной Франции буквально не у кого больше спросить про свое строение.

ЛАТУР. Я слишком хорошо знаю вас, мой господин, чтобы подумать что-либо не то. Я здесь, чтобы сказать: тот, кого вы ждете, будет завтра в четыре часа пополудни.

Де САД. Он испугался?

ЛАТУР. Он сказал, что придет.

Де САД. В четыре? Очень хорошо. (*Жюстине*). Да оденься ты, наконец, ради Бога. Все у тебя в порядке. Все - на месте.

ЖЮСТИНА (*начинает нехотя одеваться*). Как же вы так, почти не глядя, можете все определить?

ЛАТУР. У него опыт очень большой.

ОГЮСТЭН. Тут это... Я не понял: заключенного надо вести на прогулку или как?

Де САД. Вон отсюда все!

Все, кроме Жюстины, уходят.

Жюстина продолжает, теперь уже весьма поспешно, одеваться.

ЖЮСТИНА. Сейчас, сейчас, ухожу... Сейчас, сейчас... Надо же! Надо быть воистину великим человеком, чтобы с таким достоинством выгонять людей из тюремной камеры.

Де САД. Молчать, революционная потаскуха! Ты и так своими словами засорила воздух моей камеры. Запомни: завтра в шесть - в шести пополудни, не перепутай - ты придешь сюда. И не забудь взять свой пистолет. Либо я покажу тебе инспектора Маре и ты поступишь с ним так же, как поступила с мухой... Либо я попрошу отсрочить приговор. Что молчишь? Поняла?

ЖЮСТИНА. Так а чего? Все понятно. Либо прямо завтра, либо - попозже. Только, знаете... Скажите мне в последний раз, но честно: может быть, мне все-таки надо что-нибудь усовершенствовать?

Де САД. Голову! Вам всем надо усовершенствовать головы! Все остальное у вас работает нормально. Только усовершенствуйте, пожалуйста, ваши Головы.

Затемнение.

3

Гостиная. Входят ЛАТУР и инспектор МАРЕ.

МАРЕ. Видимо, маркиз захочет говорить со мной один на один?

ЛАТУР. Думаю, да. Однако, ты знаешь: я всегда рядом.

МАРЕ. Он что, снова не в духе?

ЛАТУР. Да. Его очень раздражают письма - и те, в которых его хвалят, и те, в которых шлют проклятья в его адрес.

МАРЕ. Это старость... Я его понимаю. За столько лет мы с ним сроднились.

ЛАТУР (*подходит к Маре, целует его*). Не волнуйся, милый, как всегда все будет хорошо. (*Уходит*).

Инспектор осматривает гостиную.

Открывает одну входную дверь, вторую... Убеждается, что за ними никого нет.

Заглядывает под кровать, под кресла.

За этим занятием его и застают маркиз Де САД.

Де САД. Кого вы ищите, инспектор, тайных убийц или тайных свидетелей?

МАРЕ. Это просто привычка. Рад видеть вас, маркиз, в добром здравии. Однако, у вас усталый вид. Приходится много работать?

Де САД. Приветствую вас, инспектор Маре. Что до моего вида, то вам, как никому другому, должно быть известно, что это - грим.

МАРЕ. Да, в то время, как весь французский народ страдает революцией, в вашей жизни, похоже, ничего не изменилось.

Де САД. В вашей, моими молитвами, тоже. Революция - это развлечение, которое народ придумывает себе сам, и жалеть его за то, что он «страдает революцией» все равно, что жалеть шлюху за то, что мало спит по ночам... Присаживайтесь, инспектор, нам предстоит непростой разговор.

МАРЕ. Благодарю вас, маркиз. Вам известно, как я люблю беседовать с вами. Такие беседы позволяют мне хоть немного стать маркизом де Садам.

Де САД. Должен заметить, что в последнее время вам это удается все хуже. (*Берет пачку писем*). В этих письмах описаны те мерзости, которыми вы занимаетесь от моего имени, и которыми порочите мое имя.

МАРЕ. Что вы говорите? Такая обильная почта! Кто бы мог подумать? (*Протягивает руку к письмам*). Вы позволите? Понимаю, что адресованы они вам, однако, согласитесь, отчасти и мне тоже. (*Читает*). Да-да, помню... Сама такая маленькая, но грудь, я вам скажу... Я даже сделал ей комплект: мадам, сказал я ей, ваша грудь появляется в комнате задолго до вашего появления. Ей понравилось. Она даже заметила, что это - истинно писательское сравнение. Ах, как колыхалась ее грудь под ударами плетки, как колыхалась... Жаль, маркиз, что вы этого не видели.

Де САД. Заткнись, скотина.

МАРЕ. Ну что такое, маркиз, опять? Что вас беспокоит? Нервы?

Де САД (*мрачно*). Совесть.

МАРЕ. Так это одно и тоже, поверьте мне. Бросьте вы, дорогой вы мой Донасьен-Альфонс-Франсуа, вот уже три десятка лет мы обманываем

эту бедную старушку Францию. Да разве только Францию? Мы обманываем весь этот, так называемый, цивилизованный мир. Этот обман необходим вам, и, признаться, нужен мне тоже. Так что выпьем вина, и поговорим о чем-нибудь более приятном, нежели наши с вами отношения. Надеюсь, у нас найдется тема для разговора. *(Кричит)*. Латур, вина!

Де САД. Инспектор, хочу вам заметить, что мой слуга приходит лишь в том случае, когда его зову я. А поговорить нам все-таки придется именно о нас, о наших отношениях. Обо мне, и о вас - человека, который совершенно не помнит добра. Знаете, как можно обозначит одним словом все то, что я для вас сделал?

МАРЕ *(со вздохом)*. Я знаю ответ: вы меня облагодетельствовали.

Де САД. Увы, Маре, даже, примерив на меня свою судьбу вы не перестали мыслить шаблонами. Я не облагодетельствовал вас, как вы только что изволили выразиться, я сделал вам судьбу. Кем вы были до встречи со мной? Обыкновенным инспектором полиции, каких во Франции - тысячи. Человек вы, согласитесь, неумный, к тому же - трусливый, и у вас не было ни одного шанса продвинуться по службе и по жизни должным образом. И вдруг появляюсь я. И вы становитесь знаменитым инспектором Маре - единственным инспектором, которому всегда удается поймать и обезвредить великого писателя и философа маркиза де Сада. Я подчеркиваю: великого, и прошу этого не забывать. К тому же, я открыл вам целый мир наслаждений, о которых простой инспектор полиции не может даже мечтать. Все верно, Маре, я ничего не путаю?

МАРЕ. Что вы, маркиз, логика и стиль ваших рассуждений, как всегда, безукоризненны.

Де САД. Ну а коли так, то на правах человека, сделавшего вам судьбу, я требую... Вы хорошо меня слышите?.. Требую, чтобы вы соблюдали наш договорю Мы многократно говорили о том, чем вы можете заниматься, а чем заниматься не должны ни в коем случае. Я должен войти в историю человечества красивым развратником, благородным развратником, но не в коем случае - не человеком, который занимается всякими гнусностями. Тем более, одними и теми же. Никакой фантазии! Среди этих писем есть и такие, чьи авторы утверждают, что я разрушил все их идеалы, а это уже никуда не годится. Что поделатъ, я вынужден считаться с тем, что люди попросту перестанут читать мои книги, если вокруг имени автора не возникнет ореол легенды. Вынужден я считаться и с тем, что легенда эта должна периодически подпитываться некими реальными событиями...

МАРЕ *(перебивает)*. Простите, маркиз, вынужден прервать вас, ибо, вижу, что вы разволновались не на шутку... Легенда, которая подпитывается событиями, да еще периодически... Вы прекрасный стилист, мой друг, и даже в разговоре не должны позволять себе подобные обороты.

Де САД. Не смей учить меня, полицейская ищейка!

МАРЕ. Опускаться до дешевых оскорблений, мне кажется, тоже не стоит. Совсем тут закисло в одиночестве, даже оскорблять как следует разучились.

Де САД. Вам не удастся втянуть меня в дешевую ссору. Мы говорим о другом.

МАРЕ. О каком это о другом? Поговорим о другом, извольте. Вы утверждаете, что сделали мне судьбу? Ну что ж, чисто стилистически этот оборот мне не очень нравится, но по сути - верно. Не отрицаю. С одним лишь добавлением: вашу судьбу вам тоже сделал я.

Де САД. Да поймите же вы: я всегда был, есть и буду маркиз де Сад, а вы всегда были и до конца дней останетесь полицейской ищейкой.

МАРЕ. Про ищейку- повторяетесь, что же до маркиза де Сада, то тот мальчик, который вернулся домой с семилетней войны хоть и носил ваше имя, однако, мало чем напоминал великого писателя и философа. Тот мальчик мечтал лишь об одном: о бессмертии, ну и о славе, конечно, ибо, в столь юном возрасте кажется, что слава - это ступень к бессмертию. Неплохо сказано, а?

Де САД. Ненавижу, когда вы претендуете на роль философа.

МАРЕ. Извините, тут уж воистину виноват. Философствовать - это ваша обязанность. Так уж все распределилось: вы- теоретик, я - практик. Вы придумываете, я воплощаю. Простите полицейского за то, что ему тоже хотелось блеснуть стилистическим изыском... Однако, продолжим. Однажды тот самый мальчик написал книжку «Сто двадцать дней Содома или Школа разврата», - так она называлась, если не ошибаюсь. Сколько лет вы не могли ее напечатать? Десять? Пятнадцать? Не важно. Ее можно было и вовсе не печатать, ею все равно зачитывалась вся Франция, ее переписывали от руки...

Де САД. Потому что хорошая книжка.

МАРЕ. Отменная.

Де САД. Замечательная. Впервые я заговорил с людьми о том, о чем опасались говорить писатели и философы. Древние греки и римляне - не в счет, их все равно никто не читает. Я начал играть с человечеством. Любой человек - игрок, такова уж наша природа, тут дело в сопернике. Мелкий человечешко, вроде вас, играет со своим командиром или с этими мужиками-бабами, которых заманивает в мой замок под моим именем. Я же играю с человечеством, потому что иного, равного мне, соперника попросту нет. Я бросил человечеству наживку в виде его собственных грехов и пороков. И человечество попало. Оно - мое. Я - единственный писатель, который может отвлечь этих идиотов от революций. Знаете ли вы, что во всех много-

численных революционных комитетах они читают мои книги и забывают про свои революционные глупости! Забывают, слышите вы?!

МАРЕ (*аплодирует*). Bravo! Вы всегда с такой страстью, пафосом, и, главное, стилистически абсолютно безупречно говорите о самом себе, что на вас становится даже приятно смотреть, и я готов простить вас за то, что вы перебили меня. Однако, с вашего позволения, я все-таки продолжу. Итак, автор рукописи «Школы разврата» становится знаменит, но тут оказывается, что сам маркиз де Сад не хочет - или не может? - жить по тем законам, которые столь яростно защищает в собственных книгах. А, кстати, маркиз: не хочет или не может?

Де САД. Не хочет! Не хочет! Я вам уже тысячу раз говорил: после войны я стал иначе смотреть на свою жизнь, к тому же - у меня иное воспитание, я, видите ли, в Бога верю...

МАРЕ. Сколько раз вы об этом говорили - столько раз я в это не верил. Не хотите спать с мужчинами - это ваша беда, вы лишаете себя истинного счастья. Но периодически отдаваться красивому разврату... Впрочем, ладно, пусть будет так, вы просто не захотели жить по законам, которые столь красиво сами же и описывали.

Де САД. Были у меня на то причины.

МАРЕ. Ну и пожалуйста. Ради Бога. Однако, вы очень хорошо понимали: добрая половина успеха ваших книг... Хорошее выражение «добрая половина», не так ли? Мудрое. Ну так вот: именно добрая половина успеха ваших книг в той легенде, которой окрашено ваше имя. Вы - мечтатель, маркиз, вашей жизнью движут не реальности, а фантазия. Вам ужасно хотелось, чтобы о вас ходила слава, как о благородном и умелом распутнике, вы понимали: люди станут читать ваши книги только если поверят, что вы сами испытывали то, что описываете. Сексуальные мечтания тоскующего маркиза - это вовсе не тоже самое, что откровения сексуального гиганта. Вы мечтали, чтобы полицейские шли по вашему следу, но одновременно и боялись этого. Как вам хотелось, чтобы вас непременно ловили - вам нравился ореол мученика, вам были по нраву крики: «Свободу маркизу!» , но вы боялись, что в тюрьме вас станут изводить крысы, а другие заключенные не станут испытывать к вам должного почтения. К тому же, у вас была главная мечта: сидеть дома и писать книги. Все эти мечты, фантазии и страхи так мучили вас, бедный вы мой маркиз.

Де САД. Инспектор, я поздравляю вас. Не часто, но все же иногда вам удается изложить свои мысли не только внятно, но и красиво. Все-таки общение со мной не прошло для вас даром.

МАРЕ. Без сомнения. Однако, позволю заметить, что и вам несказанно повезло, что вы нашли такого парня, как я. Во мне все - прекрасно, и все - кстати. И то, что я - полицейский, и то, что я не достаточно, как вы верно заметили, умен и храбр, чтобы сделать карьеру самостоятельно, но все же,

согласитесь, у меня хватает ума, чтобы это понимать. А разве не прекрасно, что я - тщеславен, не до такой степени, как вы, разумеется, но все же. А то, что с одинаковой радостью провожу время в будуаре и с мужчиной, и с женщиной - для вас это просто находка. И вот судьба свела нас и мы договорились. Это был договор века! Да что там века, подобного не знала история: это был договор между философом и полицейским, писателем и ищейкой...

Де САД. Однако, не станете же вы возражать, что придумал все именно я.

МАРЕ. Без сомнения. Но воплощать-то пришлось мне. Под недовольные, а иногда и под угрожающие крики толпы я сопровождал вас в тюрьму, где вас уже ждали роскошные апартаменты, подобные этим. Но, чтобы народ ни о чем не догадывался, рядом непременно была тюремная камера для встреч с поклонниками, а грим легко придавал лицо революционно-усталый вид. Надо сказать, что мы с вами придумывали неплохие истории, маркиз.

Де САД. «Марсельское дело», помните?

МАРЕ. А как же! Чего только я не написал в протоколе: и анальный секс, и активная флагеляция, и возбуждающие конфеты, которыми вы якобы пичкали свои жертвы.

Де САД. Это было красиво, ничего не скажешь. Мне казалось, что судьи возбуждаются от одних этих слов. Мне казалось, что они с легкостью променяли бы свои судейские мантии на пару минут пребывания в моей марсельской усадьбе.

МАРЕ. Так оно и было, маркиз, так и было... А как вас казнили на площади проповедников в Эксе! «Сжигайте, сжигайте чучело его самого и чучело его слуги - кричал я. - Придет время и мы также сожжем самого развратника!» А маркиз де Сад вместе с Лакостой в это самое время стоял в толпе. И чего вы пришли на эту казнь, все-таки определенный риск был?

Де САД. Не каждый день удается увидеть, как сжигают твое собственное чучело. А какая возникла потасовка, помните? Одни кричали: «Позор маркизу!», но таких, признайтесь, было меньшинство. Большинство же орало: «Слава великому маркизу де Саду!» Ну и потасовка была?

МАРЕ. Кстати, все не спрошу вас: где вы сами-то были? На стороне своих сторонников или, оригинальности ради, противников?

Де САД. Я стоял в стороне, и вы это отлично видели, инспектор.

МАРЕ. Да? Надо же, запомнил... Впрочем, всего и не упомнишь, что мы с вами напридумывали. Однако, сделать из вас жертву полицейских погонь было несравненно проще, нежели заставить людей поверить в то, что вы живете по законам, описанных в ваших книгах. И тогда вы придумали

самый уникальный пункт нашего договора... Помните, я ведь отказывался сначала, помните?

Де САД. Вы всегда были трусоваты.

МАРЕ. Зато вы смело готовы подвергать опасности чужие жизни...Итак, инспектор Маре, то есть, ваш всегда покорный слуга, под именем маркиза де Сада должен был предаваться разврату, устраивать содомию и прочие глупости... Да, вы изобрели само понятие «садизм», но я - инспектор Маре - воплощал его в жизнь и рассказывал вам о результатах. Сначала мне было страшно, потом - противно, потом я привык и втянулся. Ни один философ в мире, даже вы, маркиз, не ответит на вопрос: что труднее- придумать теории или воплощать их в жизнь? Вы все еще думаете, маркиз, что имеете дело с инспектором Маре? Ошибка. Нет больше инспектора полиции Маре, как нет больше великого писателя и философа маркиза де Сада. Есть одно, двуединое существо: палач и жертва, философ и полицейский, теоретик и практик...

Де САД (*аплодирует*). Bravo, инспектор. Это было прекрасно исполнено. Право, жаль, что я не записал ваш монолог - он того стоит.

МАРЕ. Особенно удачен, по-моему, был финал... По поводу жертвы, палача, двуединого существа. Неплохо сказано...

Де САД. Жаль только, что вы не поняли самого главного. Вы по-прежнему исправно уничтожаете мои изображения, что, впрочем, не составляет труда, ибо, я отказываюсь позировать даже самым знаменитым художникам. Мой портрет, видимо, не дойдет до потомков - и черт с ним! Лицо - иллюзия человека, оно никому ничего не говорит, тем более - нарисованное. Легенда - вот главное! Легенда рассказывает о писателе даже больше, чем его книги.

МАРЕ. Сказано отлично! Я и поддерживаю эти легенды. Иногда даже создаю их.

Де САД. Вы убиваете мою легенду, инспектор. Вы разучились безошибочно определять людей, которым садизм доставит удовольствие, и мне приходят гневные письма, а это уже никуда не годится. Вы перестали фантазировать, это еще пол беды, но вы перестали следовать моим фантазиям... У меня вон сколько способов садистских описано, а вы прицепились к этой плетке-семихвостке...

МАРЕ. Если бы вы хоть однажды видели, какой эта плетка производит эффект, вы бы меня поняли. Воистину это лучшее ваше изобретение.

Де САД. Видите ли, инспектор, главное в маркизе де Саде...

МАРЕ (*перебивает*). В нас.

Де САД. Повторяю: в маркизе де Саде главное не то, что он -великий развратник, а то, что он - великий фантазер. Маркиз де Сад не может заниматься развратом ради разврата - тогда умирает легенда. Маркиз де Сад не может оставлять после себя недовольных -тогда легенда и не родиться. Вы всего этого не понимаете, и не поймете уже никогда. (*Неожиданно выхватывает пистолет*). Ваше оружие на стол, инспектор Маре.

Затемнение

Конец первого действия

Действие второе

4

Декорация и мизансцена конца первого действия.

Де САД. Повторяю: в маркизе де Саде главное не то, что он - великий развратник, а то, что он - великий фантазер. Маркиз де Сад не может заниматься развратом ради разврата - тогда умирает легенда. Маркиз де Сад не может оставлять после себя недовольных - тогда легенда и не родиться. Вы всего этого не понимаете, и не поймете уже никогда. (*Неожиданно выхватывает пистолет*). Ваше оружие на стол, инспектор Маре.

МАРЕ (*абсолютно спокойно*). Ой ты, господи Боже мой! Что ж такое случилось? Так хорошо говорили, и вдруг - нате вам. Вы никогда не опускались до дешевых игр, маркиз.

Де САД (*направляя пистолет на инспектора*). Инспектор, я не привык повторять дважды.

МАРЕ. Бог Мой Всемогущий, где вы только набрались таких фраз? Может вам стоит взяться за написание авантюрных романов? (*Вынимает и кладет свой пистолет на стол*). И что дальше?

Де САД. По зрелому размышлению я решил убить вас, инспектор Маре. Вы превращаете маркиза де Сада в фальшивку. Лучшее вы не станете, умнее - тоже, и год от года вы будете становиться все хуже и хуже. Вот я и подумал: зачем вы мне нужны? Да и потом, за тридцать лет мне порядком надоела наша легенда - пришла пора придумывать что-нибудь новенькое.

МАРЕ (*некоторое время сидит неподвижно, вдруг лицо его меняется, будто он увидел что-то жуткое. Кричит*). Маркиз, осторожно - сзади!

Де Сад оборачивается. Воспользовавшись этим, инспектор подскакивает к маркизу, выбивает у него из рук пистолет, и достает свой - второй

Сидеть! И не вздумай кричать! В наше революционное время я всегда выхожу из дома хорошо вооруженным. Вам нравится беседовать под дулом пистолета? Извольте. Так знаете ли вы, за что вы меня ненавидите?

Де САД. За все.

МАРЕ. Ах, какая неудачная реплика. В ней нет присущего вам остроумия и точности. Я придаюсь излишнему разврату? - говорите вы. Помилуйте, да разве разврат бывает излишним? Я выбираю не те объекты? Бросьте, маркиз, в нашем деле ошибки неминуемы. Нет, не в этом причина вашей

ненависти, не в этом... Вы ненавидите меня за то, что я слишком хорошо вас понимаю, за то, что вы попали в зависимость от меня. Эту зависимость вы придумали сами, но теперь сами же страдаете от нее. Возможно, вам не хочется становиться со мной одним целым, возможно, это даже кажется вам унижительным. Но что поделать, маркиз, слияние произошло. И не надо этих глупостей с пистолетами: на то, чтобы убить самого себя, чтобы покончить жизнь, так сказать, полусамоубийством - извините за неловкий стилистический оборот - у вас никогда не хватит сил. *(Бросает ему пистолет)*. Пожалуйста, стреляйте. В сердце вы не попадете - вы всегда были плохим стрелком - стреляйте в голову.

Де Сад хлопает в ладоши.

В дверях появляются ЛАТУР и ОГЮСТЭН. У Латура в руках поднос с вином.

Де САД. Который час?

ОГЮСТЭН. Начало шестого, если позволите - четверть.

Де САД. Мне бы хотелось, чтобы было ровно шесть.

МАРЕ. Ждете гостей, маркиз? Не волнуйтесь, как только появятся ваши гости, я уйду, чтобы не мешать. Однако, сейчас мне хочется выпить. *(Разливает вино)*. За странный союз, связующий полицейского и философа, за вечный союз... Знаете ли вы, дорогой мой Донасьен - Альфонс - Франсуа де Сад, что если человеку отрубает руку, то она, отрубленная, болит до самой его смерти. Так вот, если я вдруг умру, то пустое место, оставшееся после меня, не даст вам покоя. А если, не приведи Бог, что случится с вами - подобные страдания испытаю и я. А потому - я предлагаю выпить за нас. Что же вы, маркиз? Надеюсь, вино не отравлено?

Де САД. Латур, собери пистолеты и встань у двери. Ты, Огюстэн, у другой. *(Показывает на Маре)*. Этот человек - предатель, и если он вздумает бежать - вы должны его убить.

МАРЕ *(смеется)*. Что с вами сегодня, дорогой мой маркиз? Что это вы никак успокоиться не можете? Это кто ж меня, интересно, станет убивать? *(Подходит к Огюстэну)*. Этот, что ли? Неплохой парень, правда? Между прочим, вы меня еще не поблагодарили за него.

Де САД. Инспектор, это правда, что вы берете у охранников деньги за то, чтобы они служили здесь?

МАРЕ *(Огюстэну)*. Неужели я ошибся в тебе, парень? *(де Саду)*. Разве ж это деньги, маркиз?... *(Огюстэну)*. Главное в твоей профессии: умение молчать, а ты - трепло, это плохо... *(де Саду, на ухо)*. Не деньги, так - дань привычки, чуть-чуть монеток. И только через подставных лиц, будьте уверены - я не позорю нашего общего лица... Уж какой же вы, маркиз, как поругать меня - пожалуйста, а чтобы оценить, похвалить... *(Берет же Сада за руку, отводит от Огюстэна, говорит тихо)*. Какой же я молодец, согласитесь,

ведь как только я узнал, что предыдущий охранник Виктор излишне вам докучает, и, того и гляди, скоро догадается, что маркиз живет вовсе не той жизнью, о которой ходят легенды, - я сразу его заменил. (*Громко*). Где вы еще найдете такого сикренного и понимающего друга, как я. А вы со мной даже вина выпить не ходите. (*Огюстэн*). Ну что, трепач, будешь в меня стрелять?

ОГЮСТЭН. Да если только господин маркиз скажет, да если он только бровью поведет...

МАРЕ. Не кипятись, вспомни, дружок, кому ты служишь... (*Подходит к Латуру*). Ну а ты, стрелять будешь? Если я побегу в эту дверь - выстрелишь.

Маре переступает порог, смотря при этом на Латура. Латур отворачивается. Маре возвращается в гостиную.

(*де Саду*). Не хотите со мной выпить, говорите мне разные неприятные вещи, а сами хотите заставить стрелять женщину. Это неблагородно и даже низко.

Де САД. Отойдите от нее! (*Вскакивает*).

МАРЕ(*Де Саду*). Сесть! Простите, привычка... Присаживайтесь, господин маркиз, что стоять-то в собственном доме? (*Поглаживая Латура*). То, что ваш слуга - женщина мне известно столь же хорошо, как и вам, а может быть, даже и лучше.

ЛАТУР. Инспектор, не надо, прошу вас.

МАРЕ. Что это мы вдруг «на вы», столь официально? Маркиз пригласил меня, чтобы сказать всю правду. Прекрасно, я отвечаю ему тем же.

Инспектор снимает с Латура плащ и начинает разгримировывать.

Не знаю, захочет ли режиссер играть со зрителями в придуманную мной игру - загримировывать актрису так, чтобы зритель всерьез поверил: перед нами мужчина, а может, режиссер придумает некий свой изыск...

Важно, чтобы именно на этом месте нашего рассказа Латур предстал очаровательной женщиной, выглядевшей куда моложе, нежели де Сад и Маре.

(*разгримировывая Латура*). А как вам нравится выражение «вся правда»? Неплохо звучит, не так ли? Словно. Может быть вся правда и не вся: уполовиненная, учетверенная... четвертованная... Эх, сколько стилистических изысков таит наш язык! (*Закончив разгримировывать Латура, некоторое время рассматривает женщину*). Ну что, любимая, стала бы ты в меня стрелять?

Огюстэн подходит к слуге и как бы ненароком касается ее груди.

ОГЮСТЭН. Баба! Чтоб я провалился на этом месте! Господин маркиз, если позволите - это женщина.

МАРЕ. Уж кому как не маркизу знать эту женщину от кончиков пальцев до корней волос, извините за банальность... Казалось бы, какая разница: слуга у маркиза или служанка? Но на самом деле этот маскарад имеет огромный смысл. А если бы кто-нибудь узнал, что маркиз любит свою служанку, да еще так долго? Ужас! Вы боялись даже слуха об этом. *(На ухо де Саду).* Влюбленный, преданный маркиз де Сад! Невозможно! *(Громко).* Маркиз, у которого роман с собственным слугой-мужчиной? Прекрасно! Это сыграет на легенду. Правда, следовало бы подумать: а каково молодой, очаровательной женщине играть эту роль? Впрочем, такие мелочи великого маркиза де Сада не волнуют... Я знаю, что наедине вы называли ее Лакоста, это имя напоминало вам название вашего родового поместья - Лакост. А я называл ее так потому, что мне нравилось: Лакоста звучит красиво и необычно. Вы приучили меня, маркиз, любит все необычное.

Де САД. Был очень рад услышать все это.

МАРЕ. Неужто рады?

Де САД. Да, потому что еще пару минут назад я сомневался достойны ли вы смерти, но теперь...

МАРЕ. Как же вы надоели с вашими бесконечными разговорами о моей смерти! Ну не убьете вы меня, маркиз, не убьете. И хватит об этом. Я обещал вам сказать всю правду. Всю. Ну так слушайте. Лакоста - единственная женщина, которую я люблю, и с которой мне хорошо всегда: и в гостиной, и в будуаре. Вы знаете, я не слишком ярый поклонник женщин, но Лакоста - это совершенно другое дело.

Де САД. Вы все врете!

МАРЕ. Мне кажется, вы позволяете себе немного страдать, маркиз. Пострадайте, изобретателю садизма это очень даже к лицу. А знаете ли вы, как я страдал ночами, как просыпался от одной только мысли: сейчас она с вами. Моя фантазия, возвращенная вами, предлагала мне такие картины вашей близости, от которых можно было сойти с ума. Я готов был убить и вас, и ее, и себя, но потом... Потом я говорил сам себе: «Инспектор, стоит ли ревновать к самому себе?» Смешно, но эта незамысловатая мысль всегда меня успокаивала. *(Подходит к Саду).* От чего ж вы не аплодируете моему монологу? Мне кажется, он был весьма театрален, и при этом, заметьте, совершенно правдив. Грустите? Погорюйте, погорюйте, но не слишком. Да, у нас с вами - общая любовь, но это является еще одним доказательством того, что мы с вами - одно целое.

Де Сад подходит к Лакосте.

Маре занимает его место в кресле, и, скрестив руки на груди, словно зритель наблюдает за происходящим.

Де САД (Лакосте). Как ты... Как... (Дает ей пощечину).

МАРЕ. Грубо. Эффектно, но грубо.

ЛАКОСТА (плача, де Саду). Я сейчас тебе все объясню, я смогу объяснить, я...

Де САД. Ведь вся моя жизнь, все жертвы моей жизни - все это ради тебя. (Маре). Неужели ты не мог догадаться, почему я писал одно, а жил другому? Это ведь она запретила мне жить по законам моих книг, она заставила меня придумать весь этот спектакль, сочинить этот дурацкий договор...

МАРЕ. А кто вам сказал, что я не догадывался об этом? Я всегда знал о вас чуть больше, чем вы обо мне. Профессия у меня такая.

Де САД. Что вы там шепчете, инспектор? Опять какую-нибудь пошлость... Однажды она сказала мне: или я заканчиваю распутство или она уходит от меня. Я мог забыть Бога, мог наплевать на свое воспитание, но потерять ее... Лакоста - единственный человек, которого я в своей жизни искренне любил.

МАРЕ. И я. Видите, как много у нас общего.

ЛАКОСТА (Де Саду). Но ведь ты сам посылал меня к нему, Франсуа. Бывало, ты заставлял меня ходить к нему едвали не через день. Я пыталась отказываться, но ты возражал мне: «Лакоста, это необходимо, - говорило мне ты. - Надо передать новые инструкции».

Де САД. Но я верил тебе. Любовь - это вера, неужели ты не понимаешь?

МАРЕ. Вера и глупость - это не одно и то же.

ЛАКОСТА (де Саду). Я не могла тебя послушаться. Подумай сам, что ты сделал... К одному мужчине ходила я дни, недели, месяцы, я относила ему рукописи...

МАРЕ. А я внедрял их в народ. Вот вы, маркиз, даже никогда не поинтересовались: откуда, собственно, получают люди ваши книги.

ЛАКОСТА. Я рассказывала ему твои фантазии, ты это называл: передавать инструкции.

МАРЕ. И вот однажды мы перешли к практическим занятиям. Это совершенно естественный путь, маркиз, только такой странный и романтичный человек, как вы, мог предполагать, что этого не произойдет.

ЛАКОСТА. Я была очень терпелива, Франсуа, а думал ли ты когда-нибудь о том, каково женщине жить с человеком, который все время обманывает, вся жизнь которого - сплошной спектакль?

Де САД. Но ведь этот спектакль был устроен ради тебя!

ЛАКОСТА. Нет, милый. Я мечтала только об одном: уехать с тобой куда-нибудь. Этот спектакль ты устроил ради себя, и заставил меня играть в нем чуть ли не главную роль. Разве ты не замечал, что даже, разговаривая с тобой, я боюсь выдать в себе женщину, я научилась так строить фразу, чтобы никто не догадался - мужчина ее произносит или женщина. Когда мы впервые встретились, мне было всего тринадцать лет, ты был моим первым и долгое, очень долгое, время единственным мужчиной. Жизнь с тобой казалась мне прекрасной. Супруга маркиза де Сада... Любая женщина Франции могла бы только мечтать об этом. С тех пор многое изменилось... Ты отнял у меня дом, потому что даже дома я вынуждена притворяться и играть. Я, наверное, единственная женщина в мире, которая страшится стоять обнаженной перед зеркалом - боюсь, что кто-нибудь увидит меня. Ты говоришь, что я не старею, но ведь это не так, Франсуа. Ты никогда не спрашивал: хочу ли я иметь детей, так вот теперь я точно знаю: их не будет у меня никогда.

Де САД. Неужто самой любимой женщине я приносил только несчастья?

ЛАКОСТА. Ну зачем же, не только... Я бывала очень счастлива с тобой, иначе давно бы ушла. Но ты ограничил мой мир своим домом, и тебе надо было очень стараться, чтобы в этом доме меня ждал только праздник. А ты не умеешь стараться ради других, Франсуа. И вот теперь я спрашиваю тебя: за что же ты на меня сердись? При той жизни, которую ты мне устроил, я могла бы пуститься в жуткое распутство, по сравнению с которым то, что ты описываешь в своих книгах показалось бы просто детской шалостью. Но ведь я не сделала этого...

Де САД. Так, может, мне еще поблагодарить тебя за то, что ты мне изменяла?

ЛАКОСТА. Изменяла? Какой смысл вкладываешь ты в это нелепое слово? Отчего в своих книгах ты борешься с условностями, а в жизни остаешься их рабом? Отчего я не могу любить двоих, раз уж так сложилась жизнь, от чего?

МАРЕ. Как говорит! Маркиз, вы только послушайте, как она говорит! Все, отдаю пальму первенства: не я, а Лакоста - лучшая ваша ученица.

ЛАКОСТА (де Саду). Твои ум, фантазия, чуткость, твой талант, наконец. (показывая на Маре). И его напор, сила, темперамент. Это не предательство, Франсуа, это единственно достойный выход из того положения, в которое ты сам же меня и загнал.

Де САД. Что ж это такое, Господи?! Еще утром мне казалось, что у меня есть, как минимум, жизнь и любовь. (*Маре*). А иты отнял у меня и то и другое. У меня же ничего не осталось.

МАРЕ. Не преувеличивайте, маркиз. Не отнял, а поделил. Поровну. Чего вы, собственно, и добивались.

Де САД (*подбегает к Маре, хватая его за грудки*). Неужели Лакоста участвовала во всех тех мерзостях, которыми ты занимался?

МАРЕ (*легко вырвавшись из рук де Сада*). Стоит ли так нервничать, маркиз? Вам же было сказано, что я люблю эту женщину. Ну разве иногда... Мы позволяли себе развлекаться с некоторой группой... Но очень доверенных людей. (*Одной рукой обнимает Лакосту, другой - де Сада*). Друзья мои, я не вижу больше поводов для печали. Мы вместе и это прекрасно! Главное, что теперь мы знаем друг о друге всю - заметьте,, маркиз - воистину всю правду, и , значит, больше нам нечего скрывать и нечего бояться. Я ошибся, друзья мои, утверждая, будто мы единое целое с маркизом, мы - единое целое все вместе, втроем! (*Берет бокал*). Все, что у меня есть в жизни - это Донасьен-Альфонс-Франсуа де Сад и его жена Лакоста. Мне, бедному инспектору полиции, подфартило, такой фарт выпадает одному на миллион, и кто сказал, что я не понимаю этого?! (*Отхлебывает вино*). Говорят, если человек отопьет из рюмки, а потом передаст эту рюмку другому - тот, другой, будет знать самые сокровенные его мысли. Пей, маркиз, знай мои мысли, мне больше нечего скрывать от тебя, и, черт подери, я рад этому! (*Протягивает рюмку де Саду*).

Де САД (*берет бокал, некоторое время смотрит на него, потом зло швыряет на пол*). Ни судьбы, ни любимой ни даже портрета для потомков! Бог мой, в чем же я так жестоко ошибся, в чем?

ОГЮСТЭН (*все это время он молча, забытый всеми, следил за происходящим*). Я тут... как это?.. не очень понял, что тут вообще происходит. Когда говорят о странном, я не понимаю. Но мой отец учил меня: «Сын мой, если обижают твоего господина, бей, не раздумывая и не разбираясь». Я вижу, что вас обижают, господин маркиз, и, если позволите, я пристрелю их обоих?

МАРЕ. Что за эпидемия такая, маркиз: что это у вас сегодня все в доме оружием машут? (*Огюстэну*). Опустите ружье, немедленно! Забыл, свинья, с кем разговариваешь?

ОГЮСТЭН. Назад, инспектор! Вы-то ведь знаете, что я стреляю без промаха.

ЛАКОСТА (*де Саду*). Маре прав, Франсуа, нас соединили странные, но неразрывные нити. Однако, я не просто так называю тебя «мой господин», поверь, ты останешься моим господином навсегда.

ОГЮСТЭН. Господин маркиз, я - человек простой, любовью не измученный, но этой баб... женщине я бы не очень доверял. Кто раз обманул - тому веры нет.

Де САД. Опусто оружие, Огюстэн. Я благодарен тебе. Признаться, не ожидал, что кто-то может вступить за поруганную честь маркиза де Сада. Боюсь, инспектор прав: представление зашло слишком далеко, нас уже не разъединить... И если ты хочешь спросить меня: «Что вы собираетесь делать дальше?»

ОГЮСТЭН (*перебивает*). Чтобы я вас о чем-то спрашивал без стука... То есть, без спроса... Да никогда в жизни!

Де САД (*не обращая никакого внимания на эту реплику*). То я отвечу тебе так: «Не знаю». Пожалуй, впервые в жизни маркиз де Сад не знает, что ему делать... Обидно, черт возьми! Так все было хорошо продумано, все детали, кажется, учтены - конструкция держалась столько крепко, столь долго и вдруг рухнула в один вечер...

МАРЕ. Хотите подарю вам прекрасную реплику? В дуэли между инспектором полиции и философом всегда побеждает философ. Каково, а? Ладно, хватит философствовать. Друзья мои! В этой гостиной на этих вот коврах мы можем прекрасно провести время! Как думаешь, Лакоста? В конце-концов, нам троим уже пора объединиться по-настоящему, по-садовски, я бы сказал. (*Огюстэну*). ну ЧТО, парень, не откажешься немного развлечься с маркизом де Садам и его друзьями?

ОГЮСТЭН. Если прикажут...

Маре подходит к Лакосте и начинает медленно растегивать пуговицы на ее одежде.

Лакоста некоторое время стоит неподвижно, потом подбегает к де Саду.

ЛАКОСТА. Франсуа, почему ты молчишь? Скажи хоть что-нибудь! Может, он прав, а? Может, он прав и нам стоит, наконец, соединиться так, как ты пишешь в своих книгах? Скажи же что-нибудь, не молчи...

С грохотом распахивает дверь, вбегает ЖЮСТИНА с пистолетом в руках.

ЖЮСТИНА. Всем стоять, не двигаться. Будем разбираться, что здесь происходит.

МАРЕ. Это еще что?

ЖЮСТИНА. Попрошу вас помолчать до выяснения вашей неясной личности. Господин маркиз, я немного подслушала под дверью, но не совсем поняла, что здесь происходит. Мне кажется, они вытащили вас из камеры для того, чтобы издеваться над вашей человеческой сущностью.

МАРЕ. Что ни говори, а революция отрицательным образом сказывается на народном нраве: машут пистолетами, врываются в дома... Порядка никакого не стало.

ЖЮСТИНА. Этот господин все время хочет оскорбить меня!

Де САД. Перед вами тот, кого вы ищите, тот, кого я обещал показать вам и теперь с радостью выполняю свое обещание: это инспектор Маре.

ЖЮСТИНА. Отлично. Вы, главное, не волнуйтесь, господин маркиз, сейчас все в лучшем виде исполним. *(Достает из сумки грудку бумажек)*. Мне Андрэ много инструкций написал - любит он инструкции-то писать - чтобы я ни в каком случае не сбилась. *(Перебирает бумажки)*. Так... Это не то... вот. Инструкция № 3 на тот случай, если инспектор окажется в одной камере с маркизом...*(Оглядывается комнату)*. Будем считать это помещение камерой. Условно. Инструкцию, с вашего позволения я прикреплю сюда, чтоб не мешала мне приговор читать. *(Крепит инструкцию, достает еще одну бумажку)*. Андрэ у нас все-таки очень умный, Он ведь как говорит? Необходимо непременно все записывать: не пригодится нам, сгодится потомкам, истории, то есть.

ОГЮСТЭН *(ни к кому не обращаясь)*. А мой отец говорил: «Никогда ничего не записывай, сынок, пожалей и силы и время, ибо, все, что необходимо само в памяти останется, а что не останется - то, значит, и не нужно было».

ЖЮСТИНА. Тебе бы не антиреволюционные речи вести, а помолчать бы и послушать. Приговор - это дело важное. В такое время живем, что приговор, может быть, самое важное наше дело.

МАРЕ*(ощущается, что он начал немного нервничать)*. Маркиз, вы можете мне объяснить, что здесь происходит, кто это сумасшедшая?

Де Сад, не отвечая, садится в кресло.

Лакоста садится рядом.

Огюстэн на всякий случай отходит к двери.

Жюстина, таким образом, оказывается одна одна с Маре.

ЖЮСТИНА. Значит так, приговор. «Комитет голубых лилий приговаривает инспектора Маре в воспитательно-исключительной мере наказания посредством расстрела».

МАРЕ*(в нем все больше проявляется нервозность)*. Что за бред? Воспитательно-исключительная посредством расстрела... Какой-то комитет голубых... Вы что тут с ума все посходили? *(Делает шаг в сторону маркиза де Сада)*.

ЖЮСТИНА. Стоять! *(Поднимает пистолет)*. Я специально приговор в левой руке держу, чтобы в случае чего... Можно ведь и без зачтения приговора, хотя хотелось бы, чтобы порядок был в деле убийства. *(де Саду)*. Гос-

подин маркиз, если вы вдруг не поняли, что значит «воспитательно-исключительная мера наказания», могу объяснить. Это Андрэ придумал. Для инспектора этого, Маре, эта мера наказания исключительная, для остальных же - воспитательная, чтоб не повадно было мешать нашим писателям. Продолжаю чтение приговора. Инспектор Маре приговаривается к воспитательно-исключительной мере наказания посредством расстрела за то, что своими мыслями, а также замыслами; действиями, а также поступками всячески мешать жить, а также творить великому сыну великой Франции гражданину и маркизу де Саду.

МАРЕ. О Боже, что она несет?! Мыслями-замыслами, действиями-поступками мешал? Это я-то? Вы ведь честный человек, маркиз, скажите этой жегнщине, благодаря кому написаны все ваши книги, кто создал вам идеальные условия для жизни, а также - творчества, кто, наконец...

Жюстина стреляет вверх.

ЖЮСТИНА. В инструкции четко сказано: «Если кто-либо будет мешать произнесению приговора - следует сделать один предупредительный выстрел». Один, вы меня понимаете, инспектор? Всего лишь один...

ЛАКОСТА(де Саду, тихо). Франсуа, останови ее, она ведь может убить. Эти сумасшедшие революционерки способны на все.

Де САД (почти без эмоций). Но должен же кто-то разорвать этот круг? Пусть будет она...

ЖЮСТИНА. Извините, гражданин маркиз, я вас очень уважаю, как гражданина, писателя и мужчину, однако, во время произнесения приговора нельзя вести посторонние разговоры, это я даже безо всяких инструкций знаю... Продолжаю чтение. В течение ряда лет господин Маре всячески преследовал гражданина маркиза де Сада, мешал его творческим и прочим процессам, не позволял создавать шедевры, по которым тоскует вся свободная Франция. Однако, этого было бы достаточно, чтобы расстрелять инспектора Маре, однако....

Маре бросается к Жюстине, пытаясь выбить у нее из рук пистолет.

Жюстине удается увернуться и она сильно бьет инспектора ногой.

Маре падает.

Что ж это вы, гражданин инспектор Маре, такую красивую революционную казнь портите? И драться, как следует, не научились, и умирать не умеете. В Инструкции по этому поводу сказано следующее: «Если инспектор будет оказывать активное сопротивление, осуществить исключительно-воспитательную меру наказания без зачтения приговора. (Поднимает пистолет). Молиться-то будете? В этом я не могу вам отказать.

МАРЕ (*пошатываясь, отходит к стене*). Вы что, серьезно? Маркиз, Франсуа, дружище, скажи что-нибудь... Это шутка, да? Шутка? Ты ведь не сможешь видеть мой труп, да ты с ума сойдешь! Тебе будет казаться, что убили тебя!

ЖЮСТИНА. Орать не надо, а насчет трупа не волнуйтесь, мы ребят позовем из Комитета, они скоренько уберут все, они привычные, если кровь там или еще что - уберут всенепременно, вымоют, и следа не останется...

ЛАКОСТА. Франсуа, эта комедия закончится кровью.

ЖЮСТИНА. А вы, нервная барышня, помолчите тоже. Мы с вами после разберемся... (*де Саду*). Не забыть, что у меня к вам есть дело деликатное, не такое, конечно, как в прошлый раз, но тоже личное. (*Маре*). Ну что, помолился? Вспомнил свою гнусную жизнь? Ничего не забыл?

ЛАКОСТА (*бросается Огюстэну*). Что ты стоишь? (*показывает на Сада*). Ты что не видишь, он с ума сошел?! Но хоть ты можешь мне помочь?

ОГЮСТЭН. Маркизу, по-моему, ничего не угрожает, а со всем остальным разбирайтесь сами. (*Уходит*).

ЖЮСТИНА. Именем революционного французского народа...

*Лакоста бросается к Маре и закрывает его собой.
Маре прячется за ее спиной.*

ЛАКОСТА. Скажи ей: пусть она уйдет, Франсуа. Пусть уйдет. Я обещаю тебе, отныне я буду только с тобой.

ЖЮСТИНА (*внимательно читает инструкцию, а потом подходит к де Саду, говорит тихо, почти шепотом*). Извините, господин маркиз, осечка вышла. У меня в инструкции про такой момент ничего не сказано. Что мне делать-то, я не знаю

ЛАКОСТА. Франсуа, молчишь? А ты прикажи этой идиотке, чтобы она убили нас обоих. Ей же вообще все равно кого убивать. И тебе сразу станет легче жить, ты придумаешь новую легенду, найдешь новых исполнителей... Ну, хоть раз в жизни реши что-нибудь, Франсуа.

МАРЕ (*из-за спины Лакосты*). Не посмеешь ты убить Лакосту, нет, не посмеешь.

ЖЮСТИНА. Чего-то я не разберу никак, это, что ли, инспектора любовница? Так мы сейчас их обоих, не извольте волноваться... Именем революционного французского народа... Правильно я все делаю, господин маркиз?

*Де Сад молчит.
Жюстина поднимает пистолет.*

Именем революционного французского народа...

*Де Сад вырывает пистолет из рук Жюстины и бросает его.
Маре сползает на пол.
Лакоста уходит.*

(поднимает пистолет, затем молча читает инструкцию). Так... А по этому поводу в инструкции сказано: «Если маркиз скажет, что убивать инспектора нет необходимости - необходимо довериться маркизу, ибо у него могут быть соображения высшего порядка». Не могли бы вы сказать, вы именно по этим соображениям выбили у меня пистолет?

*Маре медленно поднимается.
Жюстина наставляет на него пистолет.*

(Маре). А вы посидите пока, инспектор. Господин маркиз по вашему поводу ничего не сказал... Бегай потом, ищи вас по всей Франции. *(Подсаживается к маркизу, шепотом).* Хотите скажу вам одну важную вещь? Я и сама-то не очень его убивать хочу. Вы не подумайте только, что я из жалости: к врагам революции у меня никогда жалости не было. Я просто чего подумала-то? Вот казню его, а потом и не увижу вас больше никогда. К вам ведь просто так, без повода не зайдешь, вы вон какой человек... А здесь повод такой хороший: полицейский инспектор, то да сё... Только вы не подумайте, если высшие соображения кончатся - я сразу.

МАРЕ. Я могу встать?

ЖЮСТИНА. Посиди пока мы господином маркизом беседуем... Я ведь понимаю: революционная законность - она выше личных пристрастий. Так Андрэ говорит. А я Андрэ верю всегда. Даже больше вам скажу: влюбиться в него хотела, даже уже влюбилась почти что... Только... уродон, Андрэ... Не в смысле там каком-то, вроде, моральном, просто - урод. Его лошадь в детстве копытом по лицу ударила - теперь в него трудно влюбиться.

МАРЕ. Вина-то хоть выпить можно?

ЖЮСТИНА. Вот надоедливый какой... С виду, впрочем, симпатичный - не скажешь даже, что полицейский, а такой надоедливый. Ладно, Бог с тобой, пей. *(де Саду).* У меня ведь в жизни и нет ничего - только революция и вы. Влюбиться очень хочется, вот и все. Да кстати... Вот я, дура кудрявая, совсем про свое дело забыла личное. Да вы не волнуйтесь - оно короткое совсем. *(Достает из сумки книгу, протягивает де Саду).* Вот. Напишите, пожалуйста... Мол, там, Жюстине... Революционному бойцу...

Де САД. Что это?

ЖЮСТИНА. Как что? Книжка ваша. «Тереза-философ» называется. Я ее исключительно люблю, там места есть такие... Когда мне приходится в жизни тяжело, я их всегда вспоминаю... *(Поднимает глаза к потолку, произносит с мечтательным видом)* «Любовник, перенесаясь мыслью к возлюбленной или увидев ее воочию, впадает в состояние, столь же удивительное, сколь и прекрасное: кровь его кипит, копьё поднято наперерез» Как сказано! Образно, и в то же время - все понятно.

Де САД. Я этого не писал.

ЖЮСТИНА. Как же? А кто же? Может, позабыли?

Де САД. Как там? «Столь же прекрасное, сколь и удивительное...» Или наоборот? Бред какой! Копье наперез... Пошлость! Этих слов я не писал.

ЖЮСТИНА. Но тут же ясно написано: «Маркиз де Сад. Тереза-философ». И вот еще эпиграф есть: «Матери предпишут чтение этой книги своим дочерям»...

Де САД. Это эпиграф к философии в будуаре... Дай-ка сюда. *(Берет книгу, листает)*. Чушь... Пошлость... Глупость... Бред... Здесь нет ни одного моего слова, кроме эпиграфа.

Вдруг Маре начинает хохотать - смачно, с явным удовольствием и даже восторгом.

ЖЮСТИНА. Может, ему плохо? Все-таки перенервничал человек...

МАРЕ *(пытаясь унять смех)*. Подумайте сами, маркиз: ну разве не смешно: ни любви, ни судьбы, ни портрета...А теперь еще, оказывается, и книжки ваши - не ваши. *(Резко оборвав смех)*. А вы сами-то есть? Вы уверены?

Де Сад медленно идет к двери.

ЖЮСТИНА *(вставая между маркизом и дверью)*. Подождите, подождите, гражданин маркиз. Да черт с ней с книгой, не хотите, не подписывайте - можно просто так поговорить. А если этот полицейский вас обидел, так мы быстро приведем приговор в исполнение.

Де САД *(Маре)*. А что? Хорошая идея... Одно мое слов и...

МАРЕ. Перестаньте, маркиз, надоело уже. Какую глупость придумали - умирать... Я предлагаю нечто совершенно иное. Кому, как не вам, маркиз, должно быть известно: нервные минуты, подобные тем, что мы только что пережили, сильно возбуждают. Я чувствую в себе желания, которые просто вопиют о немедленном удовлетворении. Позовем Лакосту, этого мужлана, да и революционерка, думаю, не откажется... Обещаю вам: вы не пожалее-те.

ЖЮСТИНА. Что он имеет в виду?

Де САД. Тоска... Что же мне такое еще придумать, чтобы хоть немножко было интересно? Или хотя бы странно... *(Жюстине)*. Послушай, голубая революционерка, ты будешь слушаться меня во всем, не так ли?

ЖЮСТИНА. Уж тут не сомневайтесь: все, что ни скажите - все сделаю.

Де САД. Если не ошибаюсь, тебя волновали дефекты твоей фигуры? Останься с инспектором, он быстро все вылечит.

ЖЮСТИНА. А он что - еще и врач?

Де САД. Что ж вы молчите, гражданин инспектор? Вижу, что моя идея вам нравится...*(Кричит)*. Огюстэн, принеси вина любовникам, да побольше!*(Уходит)*.

5

Тюремная камера.

Де Сад сидит за столом, стирает с лица грим.

Де САД. Не получился спектакль... Были в нем, конечно, сильные моменты. Паузы особенно. И молчание. Но в целом - гне получилось. Пьеса была хорошая - исполнители подвели. Премьеров нет, героев... Да и где их взять, когда кругом - только слуги? А кто такой слуга, если вдуматься? Тот, у кого мало денег? Нет. Тот, кто чином не вышел? Глупости... Слуга есть понятие духовное, а не социальное... Отлично сказано, даль, что не слышит никто... Слуга - это тот, кто живет в постоянном страхе что-то потерять; тот, кто никогда не совершает поступков под действием эмоций, но всегда рассчитывает: если я сделаю так-то и так-то - потеряю я или приобрету? Он умеет улыбаться по расчету, плакать по заказу, и хохотать ради приличия. Слуга всегда знает ради чего он живет, цели его конкретны, но бессмысленны. Когда в жизни становится слишком много слуг - слуга даже может стать их хозяином. Но ему никогда не стать хозяином короля и героя. Почему, так странно получилось: в моих книгах вовсе нет слуг, а в моей жизни - сплошные слуги. *(Смотрится в зеркало)*. Стер революцию с лица - и прекрасно выглядишь! *(Сидит некоторое время молча и вдруг падает на колени)*. Господи! Почему Ты решил ждать, пока я к тебе приду? Почему Ты Сам не можешь спуститься на землю в чьем-нибудь облиции? Что тебе стоит? Приди, хотя бы для того, чтобы доказать мне, что я есть!

Открывается дверь, входит ОГЮСТЭН

ОГЮСТЭН. Звали, господин маркиз? *(Увидев, что де Сад на коленях)*. Извините...Я стучал, но вы не слышали.

Де САД*(вставая с колен и отряхиваясь)*. Вот так всегда: зовешь Бога, а приходит слуга. Ну что, Огюстэн, как там?

ОГЮСТЭН. Где?

Де САД. Ты прекрасно знаешь, о ком я спрашиваю.

ОГЮСТЭН. Так а что с ними делается? Они занимаются в гостиной глупостями и пьют вино.

Де САД. А почему ты с ними? Они же звали тебя, я знаю.

ОГЮСТЭН. Господин маркиз, я тут... сказать хотел...Признаться, вообщем... Меня зовут Симон.

Де САД. И что с того? С этим именем ты не стал хуже. Лучше, впрочем, тоже не стал.

СИМОН. Я специально придумал это имя, чтобы вам понравиться... Ну и вообще... Для разговора. А теперь - ухожу я от вас.

Де САД. То есть, как это «ухожу»? А кто ж меня охранять будет? Ты все-таки на службе, как никак...

СИМОН. Тут уж не извольте беспокоиться. Господин Маре еще кого найдет. Охранником маркиза де сада многие стать мечтают.

Де САД. Ты тоже мечтал.

СИМОН. Ненадежная, значит, у меня оказалась мечта. Я, если позволите, человек простой, доверчивый и пугливый, как дворняжка, и понять, что тут у вас происходит не могу. А уж, тем более, объяснить. Только, сдается мне, происходит что-то такое, в чем мне участвовать не охота. Отец меня учил: «Если твой ум чего не понимает - послушай сердце».

Де САД. Красиво у тебя отец говорил, аж противно... Но ты ведь сам хотел - садомию там, прочие развлечения..

СИМОН. Жалко мне вас, господин маркиз.

Де САД. Чего это тебе меня жалко?

СИМОН. А кто его знает? Жалость, если позволите, такая штука, которую не объяснишь... Вот у нас в деревне священник был. О нем говорили: очень жадный человек. Все в деревне знали: никогда никому он не поможет, хоть в подвалах сундуки с золотом стоят. Не любили его за жадность эту, только дурное про него говорили. Ну и вот. А как он умер-то, в подвалы спустились - а там только крысы. Его даже похоронить не на что было. Зачем только люди врут, господин маркиз?

Де САД. Может, искали плохо?

СИМОН. Ну вот и все. Пошел я. Вы уж теперь сами тут разбирайтесь.

Де САД. Да в чем разбираться-то, черт бы тебя побрал!

СИМОН. Ну все, пошел я. Нет, еще забыл... вранье есть между нами, не хочу, чтобы оно оставалось.

Де САД. Что случилось? Может, ты еще и не Симон?

СИМОН. Нет, я - Симон, будьте уверены. Только вот отец у меня - не охранник. Понимаете, мне так хотелось, чтобы отец у меня солидным человеком был - оружейником, или там охранником. А он всю жизнь... сказать стыдно... Коров пас. Пастух вообще.

Де САД. Что ж тут такого? Тоже дело нужное.

СИМОН. Снова вы говорите не то, что думаете. Ну да ладно... Обнять-то вас позвольте на прощание, а то, глядишь, и не увидимся больше...

Де Сад и Симон обнимаются.

Де САД. Неужели ты плачешь, Симон? Неужто кто-то еще может плакать из-за меня...

Входит ЛАКОСТА в дорожном костюме.

ЛАКОСТА. Может...

СИМОН. Здравствуйте, госпожа... (*Де Саду*). Да я всегда, ежели расстаюсь с кем - плачу. Когда отец корову нашу - ее Мадлен звали - продавал, я знаете, как рыдал... Ну все. Прощайте. Пошел. (*У самой двери оборачивается*). Когда я из деревни уходил, мне отец сказал: «Никогда не увидимся мы с тобой, но я всегда за тобой следить стану, охранять тебя...» И я вот тоже... Ну ладно. Все. Я пошел, если позволите. (*Уходит*).

Де САД. Никогда не думал, что могу жалеть о том, что ушел охранник. (*Оглядев костюм Лакосты*). Впрочем, мне кажется, сегодня день такой - когда все уходит от маркиза де Сада.

ЛАКОСТА. Стоит тебе попросить, и я останусь... А хочешь мы уедем вместе, Франсуа? У нас вполне хватило бы денег, чтобы купить домик с садиком, по воскресеньям мы ходили бы на утреннюю мессу, а вечерами ты читал бы мне у камина свои новые книги... Я ведь могу еще родить... Я подсчитала: моей жизни хватит, чтобы воспитать ребенка.

Де Сад отходит к зарешетчатому окну.

Извини, Франсуа, я понимаю: маркиз де Сад не может жить в домике с садиком. Маркиз де Сад может жить только в тюрьме. А Лакоста устала... Извини... Лакоста устала быть мужчиной.

Де САД. Я придумаю тебе новую роль.

ЛАКОСТА. Неужели ты не можешь жить без этого карнавала, Франсуа? Неужели никогда...

Распахивается дверь и с песней врываются изрядно пьяные МАРЕ и ЖЮСТИНА. В одежде обоих заметен явный беспорядок.

ЖЮСТИНА. Что происходит, господин маркиз? Они опять засунули вас в тюрьму? Какая несправедливость! Сейчас мы вас освободим. *(Маре)*. Милый, неужели ты не сделаешь такую малость для своей киски? Господин де Сад так нужен будущему Франции!

МАРЕ. Дорогая, ему не нужна свобода, ты не согласишься, но - он обожает тюрьму.

ЖЮСТИНА. Какой же вы все-таки оригинал, господин маркиз! Знаете, что я вас сейчас скажу? Вы будете удивлены, уверяю вас. Господин инспектор сказал, что в моем строении нет недостатков. Вообще! Он все тщательно проверил, и говорит: недостатков нет, одни достоинства. *(Маре)*. Милый, скажи сам все это господину маркизу, а то, мне кажется, он мне не верит.

ЛАКОСТА *(де Саду)*. Я уезжаю.

МАРЕ. Знаете, маркиз, у меня ощущение, что я напрасно прожил жизнь с этими мужланами... Жюстина - это нечто невыносимое. Просто какой-то ураган с дождем. Лакоста, стойте! Ты там что-то сказала про отъезд? Зачем это? Я предлагаю... Заметьте, настойчиво и не в первый раз предлагаю развлекаться всем вместе. Мы сейчас все вместе пойдем отсюда туда, где мягкие диваны и широкие ковры.

Маре одной рукой берет за руку Жюстину, другой - Лакосту, Жюстина берет за руку де Саада.

(пританцовывая). Где мягкие диваны и широкие ковры... Где мягкие диваны и широкие ковры...

Де САД. Чего ж я тебе все-таки не убил-то?

МАРЕ. У тебя навязчивая идея, маркиз, ты мне с ней надоел. Я тебя приглашаю... То есть, я тебе предлагаю ... хорошее дело... Где мягкие диваны и широкие ковры...

ЛАКОСТА. Ненавижу! Ненавижу вас обоих... О, нет... Вы не достойны моей ненависти, я вас презираю. Слышите вы, презираю! *(Маре)*. И ты прав: вы совершенно одинаковы, одинаково мерзки!

Вбегают СИМОН. Он заметно возбужден.

СИМОН. Простите, что без стука, но у меня чрезвычайное известие! Если позволите, в стране очередной переворот, революция, так сказать. Робеспьер, Сен-Жюст и Кутон арестованы!

Пауза

МАРЕ. Вот и хорошо. *(Лакоста)*. Куда ж ты теперь пойдешь, если революция на дворе? Надо пересидеть, переждать... Вот, что я вам скажу, господа: революции приходят и уходят, а мы снова вместе.

ЖЮСТИНА. Чего-то я не поняла, а за кого ж теперь надо бороться?

МАРЕ. Опять за старое? Неужели не ясно: ты рождена не для борьбы, ты рождена для другого. *(Симону)*. Молодец, парень, что пришел. *(Шепотом)*. Признаться, хочется немножко отдохнуть и от баб... *(Громко)*. Сейчас мы все вместе пойдем туда, гля мягкие диваны и широкие ковры, и, уверяю вас, отлично отметим новую революцию!

Де САД. Какой маскарад должен буду я придумать для новго короля, и как вообще будут звать того короля, который посадит меня в тюрьму?

Медленно гаснет свет.

Маре выходит на авансцену, говорит спокойно, без эмоций - сообщает сухую информацию.

МАРЕ. Донасьен-Альфонс-Франсуа де Сад, известный всей Франции под именем маркиза де Сада, не без помощи инспектора Маре был арестован Наполеоном, пережил его падение, затем был арестован Людовиком ХУ111 и заточен в клинику Шарантон, где и скончался в возрасте 74 лет. Похоронен на кладбище Сен-Морис по католическому обряду. Менее через год умер один из самых знаменитых французских полицейских - инспектор Маре.

Свет почти вовсе гаснет.

Де САД. Ну что вы, господа? Уверяю вас: это еще не финал, будьте уверены.

Затемнение

КОНЕЦ